

К.А. Соловьёв

**«ПОСЛАНИЕ К МИТРОПОЛИТУ ДАНИИЛУ»
ФЕДОРА КАРПОВА КАК ПАМЯТНИК
УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ XVI в.**

В статье обозначены условия формирования в первой половине XVI в. новой для средневековой России концепции управления; выявлены ее источники, цели, принципы и инструментарий управления, а также обозначена роль дипломата Ф.И. Карпова в ее становлении.

Ключевые слова: история России, история управленческой мысли, Федор Карпов, концепции управления.

The article defines the indicated conditions of formation of a new administration theory in XVIth century Russia, its core principles, goals and management tools. As well as F. Karpov's role in the development of this theory is examined.

Key words: history of Russia, the history of management thought, Fedor Karpov, the concept of governance.

Фигура Федора Ивановича Карпова занимает особое место в отечественной историографии. Успешный дипломат, он был частью управленческой элиты Российского государства первой половины XVI в., хотя и не входил в круг людей, принимающих решения по вопросам государственной политики¹. Его положение в элите — администратор высокого уровня. Из числа бояр, окольных и дьяков, занимавших примерно те же позиции в административном аппарате, Федор Карпов выделяется тем, что активно интересовался вопросами веры, политики и управления, вел активную переписку с яркими предстателями религиозно-политической мысли своего времени: Максимом Греком, митрополитом Даниилом, старцем Псковского Елеазарова монастыря Филофеем. Некоторые из его посланий сохранилась до наших

Соловьёв Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail*: ksoloviov@spa.msu.ru

¹ Отметим наблюдение А.П. Корзинкина: «...окольный Федор Иванович Карпов... по донесениям Войтеха и псковичей вообще не был упомянут среди влиятельных фигур, в отличие от С.М. Путятина и Ф. Мишурина, также участвовавших в переговорах с Крымом. Это объясняется тем, что, поскольку Ф.И. Карпов не был включен в Регентский совет, он не обладал соответствующими полномочиями». *Корзинкин А.П.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533 1538) // Вест. СПб. Ун-та. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 24.

дней, и теперь служат образцами эпистолярного жанра своей эпохи, а также ценными источниками по истории религиозной, политической и управленческой мысли.

Внимание к личности Ф. Карпова такого авторитетного историка, каким был А.А. Зимин², задало то направление в изучении его воззрений, которое доминирует в наше время. В литературе второй половины XX и начала XXI в. взгляды Карпова рассматривались в первую очередь в социально-политической плоскости³. Полемика велась вокруг вопросов о том, был ли Ф. Карпов сторонником официальной политической доктрины или противостоял ей, отражал ли в своих публицистических произведениях социально-политические интересы дворянского сословия, боярства, или же отстаивал позиции верховной власти⁴. Управленческие воззрения Карпова выступали здесь в качестве вторичной, по отношению к властной проблематике, и малозначимой темы⁵.

В последнее время предпринимаются попытки выделить управленческие аспекты воззрений Ф. Карпова. В частности, в издании «Концепции справедливости в историко-правовой мысли» о Карпове говорится: «Особую роль законности и справедливости мыслитель отводит в сфере государственной власти. ...С позиции идеолога служилого дворянства Ф.И. Карпов трактует справед-

² «Карпов... выступал как защитник сильной самодержавной власти против цезарепапистских претензий воинствующих церковников. ...Не сторонником боярских привилегий, а идеологом складывавшегося самодержавия, отвечавшего интересам дворянства, рисуется нам Федор Карпов по его посланию к митрополиту Даниилу. Борясь против проповеди “терпения”, Карпов выступал против претензий церковников на руководство светскими делами, против подчинения государства церковной идеологии». *Зимин А.А.* Общественно-политические взгляды Ф.И. Карпова // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. И.П. Еремин. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 165, 166. См. также: *Зимин А.А.* Федор Карпов, русский гуманист XVI века // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1968. Т. 5. С. 364–370.

³ *Ненашев Ю.Н.* Форма государственного устройства в правовом учении Ф.И. Карпова о государстве // Известия Российского государственного пед. ун-та имени А.И. Герцена. 2007. Т. 14. № 37. С. 143–147; *Ненашев Ю.Н.* Форма правления в правовом учении Ф.И. Карпова о государстве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 176–180.

⁴ Разбор полемики см.: *Михайлова И.Б., Витлин В.Э.* Идеальный государь в представлении Ф.И. Карпова // Вест. СПб. ун-та. Сер. 2. История. 2012. Вып. 2. С. 3–5.

⁵ «Итак, в историографии утвердилось мнение о Послании митрополиту Даниилу как светском публицистическом произведении, написанном автором, критически относившемся к власти в Московском государстве, предлагавшем реформировать систему управления с целью обеспечения в стране правопорядка и установления социальной справедливости». Там же. С. 6.

ливость в организации государственной службы. Назначение на должность соответствующего происхождению служилого человека и материальное обеспечение выступают гарантами честной службы. Напротив, явная несправедливость заключается в произвольном изъятии вотчины, изгнания со службы или обременения негодными, или неподобающими статусу должностными обязанностями»⁶. К сожалению, такая трактовка взглядов Карпова на управление не подкреплена отсылками к конкретным текстам. А это значит, что трудно понять степень ее объективности или же, наоборот, произвольности.

В данной статье предпринята попытка перенести акцент в изучении взглядов Ф. Карпова с общественно-политической тематики на управленческую. Возможность для этого предоставляет текст «Послания митрополиту Даниилу», в котором эти взгляды выражены системно, логично и вполне определенно.

Но для начала необходимо описать, хотя бы в самых общих чертах, ту модель управления, которая сформировалась в Древней Руси и, в своих базовых параметрах, сохранилась до второй половины XV в. — времени создания российского государства. Обозначив параметры ранней модели управления и те изменения, которые она претерпела в XV в., мы сможем увидеть, какие управленческие идеи были важны для первой трети XVI в. (времени написания «Послания митрополиту Даниилу»), и как к ним относился сам автор «Послания» — Федор Карпов.

В качестве ключевых параметров ранней модели управления обозначим следующие: а) принципы управления, б) его целеполагание и решаемые задачи, в) инструментарий, г) образы, облегчающие восприятие данной модели управления.

Наиболее важными принципами, на которые была ориентирована управленческая деятельность в Древней Руси, были а) традиционализм и б) принцип «отражения времен». Под традиционализмом, в данном случае, мы понимаем представление об «отеческом» характере управления, что, в свою очередь, ведет к пониманию роли управленца, как условного «отца» — старшего в семье, а с другой стороны, требует управленческих действий по образцу предыдущих поколений. Принцип: «делай, как делали отцы и деды» (или, по крайней мере, заяви, о том, что соблюдаешь традицию), можно обнаружить практически во всех текстах XI—XIV вв. вне зависимости от места и времени возникновения и их соци-

⁶ *Лантеева Л.Е., Графский В.Г., Медведев В.В. Пахалов М.Ю.* Концепции справедливости в историко-правовой мысли». М., 2014. С. 13.

ально-политической направленности. Хорошо понимая, что пример не служит доказательством, приведем все же один из наиболее известных политических текстов предшествующей рассматриваемой эпохе, «Послание на Угру» Вассиана Рыло. Побуждая великого князя Ивана III к сопротивлению войскам хана Ахмата, Вассиан пишет: «И поревнуй преже бывшим прародителем твоим, великим князем, не точию обороняяху Русскую землю от поганых, но и иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимирера, иже на греческих царих дань имали, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бися съ окаанными половци за Русскую землю, и иinei мнози, иже паче нас вѣси»⁷.

Второй принцип: отражение Ветхого завета в Новом и обоих — в современности — сформулирован, применительно к общему осмыслению мира в средневековье, Б.А. Успенским: «Восприятие истории в Средние века в значительной мере определялось знакомством с библейскими текстами: происходящие и прошедшие события воспринимались как значимые постольку, поскольку они соотносились с сакральными образцами — прежде всего с библейскими событиями»⁸. А такое соотношение задавало сетку координат для властного поведения в целом и управленческих действий в частности. Пример управленческого поступка кого-либо из персонажей Ветхого или Нового Завета становился образцом (со знаками «плюс» и «минус») для любого из правителей средневековой Европы.

Главной целью управления в патриархальной модели являлось осуществление «справедливости», понимаемой двуедино, как «воздаяние» и как «милость». «Воздаяние», в свою очередь, предусматривает два действия власти: наказание за провинности и поощрение благих дел. Что же касается «милости» — то это качество власти, проявляющееся по отношению, главным образом, к социальным аутсайдерам, которые не могли рассчитывать на свои силы или помощь общины: старикам, вдовам, нищим.

Параметры «справедливости» были заложены в архетипах, сформировавшихся на предгосударственной стадии, и скорректированы единым для Европы христианским сознанием, основа которого —

⁷ Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5070> (дата обращения: 30.01.2017).

⁸ Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 5. См. также: Лаушкин А.В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 211–224.

в библейских текстах⁹. Для европейского средневекового сознания важнейшей характеристикой «справедливости» была возможность реализации божественного «закона» в мире людей. Осуществлял справедливость правитель, но ее критерии устанавливала церковь¹⁰. Как показала Е.С. Марей, такое понимание справедливости происходило из расширенной трактовки понятия «закон» в культуре дохристианского мира, а затем оно через труды Ульпиана и Исидора Севильского вошло в раннехристианское сознание¹¹.

Естественно, что при такой трактовке понятий «закон» и «справедливость» фигура правителя играла ключевую роль в управлении, а все другие составляющие механизма управления: система органов власти, качества слоя управленцев, наличие собственно принципов управления — были второстепенными. Личные качества правителя, которые способствовали осуществлению программы «справедливого правления», были главным инструментом управления. Эти идеальные качества, фиксируемые, с одной стороны, религиозными текстами, с другой, поведенческой традицией власти, схожи в описании всех правителей ранних эпох. К наиболее важным из них относятся рассудительность (или способность к восприятию «мудрых советов»), умение воздавать каждому «по заслугам», снисхождение к человеческим слабостям, стремление защитить социальных аутсайдеров. В Древней Руси эти качества, в том или ином наборе, присутствовали в летописных посмертных похвалах русских князей (и являлись частью их жанровой стилистики¹²), а также в самых ранних литературных произведениях: «Слове о законе и благодати», «Сказании о Борисе и Глебе»

⁹ См.: *Архимандрит Платон (Игуменов)*. Концепция справедливости в античном и европейском сознании // Вест. славянских культур. 2010. Т. 2. № 16. С. 11–12; *Черных С.Н.* Понятие «справедливость» в средневековой философии // Вест. Воронежского гос. технического ун-та. 2011. Т. 7. № 4. С. 130–133.

¹⁰ «...право конкретизируется в облике правителя — воплощении идеи права (*lex animata*), знающего интересы целого и блюдущего справедливость. Лишь церковь компетентна решать, в каких случаях монарх, злоупотребивший своей властью, перестает быть божьим ставленником и слугою; лишь она одна способна и правомочна отличать “*tyrannus*” от “*rex iustus*”...». *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.

¹¹ *Марей Е.С.* Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского // *Scholae*. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 365–377.

¹² *Шапов Я.Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1974. Т. 28: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. С. 50. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9817> (дата обращения: 30.01.2017).

(«Сей благоверный Борис ... на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем»¹³) и, как теория, «трех малых дел» — в «Поучении» Владимира Мономаха: «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу»¹⁴.

Такая концентрация внимания на личных качествах правителей отражалась и в образной структуре политических текстов европейского Средневековья. Во многих из этих текстов, особенно в тех, авторы которых ориентировались на античную традицию, правитель предстает в образе кормчего, не столько выбирающего курс корабля (в зависимости от автора, решение о курсе принимает народ или Бог), сколько держащего этот курс неизменным. Есть этот образ корабля (наряду с библейским образом пастыря) и в первом политическом тексте Древней Руси — «Слове о законе и благодати»: «Паче же помолися о сынѣ твоємъ, благовѣрнѣмъ каганѣ нашемъ Георгии, въ мирѣ и въ съдравии пучину житиа прѣплути и въ пристанищи небеснааго завѣтрія пристати, невѣдно корабль душевны и вѣру съхраньшу, и съ богатством добрыми дѣлы, безъ блазна же Богомъ даныа ему люди управивьшу, стати с тобою непостыдно прѣд прѣстоломъ Вседръжителея Бога и за трудъ паствы людии его приати от него вѣнецъ славы нетлѣнныа съ всѣми праведными, трудившиимися его ради»¹⁵.

Обозначенные выше элементы теории управления, почти в неизменном виде, сохранялись на Руси до конца XIV в. А затем течение истории ускорилося, стали происходить события (точнее целые «цепочки» событий, метасобытия), резко менявшие «среду управления» и вызывавшие необходимость в трансформации управленческих взглядов. К числу этих метасобытий необходимо, прежде всего, отнести уничтожение веча как управленческой структуры. Этот процесс, начавшийся в Москве в правление великого князя Дмитрия Ивановича Донского, был завершен в начале XVI в. великим князем Василием Ивановичем III. Вместе с вечем были уничтожены базовые условия «диалога» власти и народа («кормчего» и «команды») и, одновременно, разрушена традиция управления, действующая со времен начала Руси. Ивану III, проделавшему главную работу по разрушению древних управленческих

¹³ Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР) / РАН. ИРЛИ. Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4871> (дата обращения: 15.07.2016).

¹⁴ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4863> (дата обращения: 15.07.2016).

¹⁵ Слово о законе и благодати // БЛДР. Т. 1. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4868> (дата обращения: 30.01.2017).

традиций, было очень трудно совместить обязательную апелляцию к «старине» с новациями в управленческой сфере. Во многом поэтому, в конце XV в., начался поиск новых оснований власти российского государя, что в свою очередь привело к потребности переосмыслить управленческие традиции.

Второе метасобытие — преобразование русских «земель» в единое государство, вызвавшее потребность в создании новых органов управления (приказных изб, эволюционировавших в приказы), а также трансформации «удельных» органов управления (Дворец, Казна) в общегосударственные. Соответственно завершалось формирование слоя профессиональных управленцев (дьяков, подьячих) и усилилась управленческая специализация политической элиты (бояр, окольничих).

Наконец третье метасобытие — завершение «ордынского» периода русской истории, что дало сильный импульс государственному строительству и, одновременно, переосмыслению, как древних русских, так и ордынских управленческих традиций.

На это время (особенно на последнюю четверть XV в. и первую треть XVI в.) приходится расцвет политической мысли России. В произведениях самого разного жанра формируются элементы новой концепции самодержавной власти московского великого князя. Сочинений же по проблематике управления гораздо меньше, и этому есть объяснение. Прежде всего, новые представления о власти должны были утвердиться в сознании правящей элиты, и только после этого возможны были новации в области управления. Кроме того, до реформ Избранной Рады сама практика управления была крайне инерционной. Изменения в ней происходили, но очень медленно. Никаких способов анализа и обобщения этой практики не существовало. Новации в теории управления могли возникать, но чаще всего, как желаемое (идеал), но еще не реализуемое. Отстраненность Руси от процессов, развивавшихся в Европе в XIV — XVI вв., от гуманистического движения Возрождения, придавшего ускорение общественному развитию стран Западной Европы, не позволяла ни войти в число стран, чья социальная жизнь резко изменилась именно в XVI в., что и привело к рождению Нового Времени, ни в полной мере осмыслить эти процессы.

Тем не менее, в России, уже в первой половине XVI в. появились сочинения, в которых были сформулированы некоторые положения новой теории управления. Здесь мы обратимся к сочинению Ф. Карпова «Послание к митрополиту Даниилу». Именно в нем изложены представления одного из руководителей российской дипломатии о том, каким должно быть государственное

управление. Приблизительная датировка «Послания»: середина 1520-х — 1530-е гг. Она не подтверждена документально и оставляет много места для произвольных рассуждений. А.А. Зимин, дезавуировавший датировку Е.Н. Кимеевой (1526 г.), отказался от выдвижения собственной версии¹⁶. А.И. Клибанов предположил, что Послание написано после 1533 г., когда со смертью великого князя Василия III положение митрополита Даниила «пошатнулось», и тот «силой самих жизненных обстоятельств мог проникнуться сочувствием к опальному государственному деятелю»¹⁷. «Опала» Карпова столь же гипотетична, как и датировка «Послания». Здесь имеется в виду упоминание Карпова в самом начале «Послания» о том, что автор «великими скорбями одржимь есмь»¹⁸. От чего эти «скорби», мы не знаем, но Клибанов считал, что они служебного свойства. Если так, то к 1535 г. эти «скорби» закончились, поскольку с января этого года Карпов играл важную роль «в переговорах с крымскими послами»¹⁹.

Само послание имеет вид продолжения некоего разговора о вопросах веры. К сущности своих взглядов на управление Ф. Карпов переходит исподволь, используя, в качестве отправной точки для рассуждений совет Даниила запастись терпением «во скорбѣхъ и противствѣхъ». Свое понимание целей, задач и способов управления Карпов формулирует в виде ответа на им же самим задаваемый вопрос: «И за разумъ тѣхъ спригодно то видяшесе послѣдующи сподвигнути слово: или дѣло народное, или царьство, или владычество къ своей вѣчности паче приемлет правду или трѣпѣние?»²⁰. В современных терминах вопрос, сформулированный Ф. Карповым, выглядит так: что должно лежать в основе государственного управления («дела народного», «царства», «владычества»): принципы («правда») или своеволие правителя, покрываемое «терпением» народа?

«Терпение» — христианская добродетель, но в делах государства, по мнению Карпова, важнее «правда». Доказательству этого положения, посвящена вся основная часть послания. Основные аргументы:

— Если «правда есть потребна в градском деле и царстве», то в добродетели «терпения», на уровне общественных отношений, не будет необходимости: «тогда хвала трѣпѣния погибнетъ».

¹⁶ Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Ф.И. Карпова.

¹⁷ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 207.

¹⁸ Здесь и далее: Карпов Ф. Послание к митрополиту Даниилу // БЛДР. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5110> (дата обращения: 30.01.2017).

¹⁹ Корзинкин А.П. Указ. соч. С. 24.

²⁰ Здесь и далее: Карпов Ф. Указ. соч.

— Если же «правда» в делах общества будет замещена «терпением», то «долготрѣпѣние в людехъ безъ правды и закона общества добро разрушает и дѣло народное ни во что низводитъ, злыя нравы въ царствѣхъ вводитъ и творить людей государемъ непослушныхъ за нищету»²¹.

Этими аргументами Ф. Карпов выстраивает альтернативу: или «правда», т.е. деятельность государства, определяемая законами, или же «терпение» — т.е., по сути, отсутствие государства в общественных отношениях и торжество сильных над слабыми.

Здесь очень важна точная трактовка терминов. Что такое «правда» в делах государственных? Вот трактовка Л.Е. Морозовой: «Большое внимание уделял Ф. Карпов проблеме законности осуществления власти. Он писал, что всякое царство должно управляться «по правде» т.е. по справедливым законам. В данном случае закон, правда и справедливость для него равнозначны»²². Немного иная трактовка «правды» дана у А.А. Зимина: «Государства, по Карпову, должны строиться на началах «правды» и «закона». Правду, т.е. справедливый образ правления, он противопоставлял христианскому терпению»²³. И там и там «правда» трактуется как способ управления, основанный на справедливых законах, что Зимин назвал «рационалистическим представлением об идеальном государственном строе»²⁴. Разница в том, что Л.Е. Морозова (вслед за Е.Н. Кимеевой²⁵) считает «правду» и «закон» синонимами, а А.А. Зимин так не считал, а писал о том, что «Карпов прямо не раскрывает, что он имеет в виду под правдой»²⁶.

Попробуем уточнить, в каком контексте Карпов использует понятие «правда». В послании Даниилу понятие «правда» встречается двенадцать раз. В соотнесении с законом «правда» используется в выражениях:

— «...судей въ царствѣ имѣти, иже коемуждо правду учинят»,

²¹ Там же.

²² Морозова Л.Е. Иван Грозный и публицисты XVI века о пределах и характере царской власти // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 239.

²³ Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Ф.И. Карпова. С. 166.

²⁴ Там же. С. 167.

²⁵ «Ф. Карпов под “правдой” понимает законы, основанные на “обычаях святых и благих уставах”». Кимеева Е.Н. Послание митрополиту Даниилу Федора Карпова // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 231. То, что этот тезис, дважды повторенный автором, не основан на источнике, отметил уже А.А. Зимин.

²⁶ Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Ф.И. Карпова. С. 167.

— «...долготръпѣние в людехъ безъ правды и закона общества добро разрушает и дѣло народное»,

— «...всякъ градъ и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от начальникъ въ правдѣ и извъѣстными законы праведными»,

— «...такое начальникъ всякаго самодрѣжства блюдащихъ и врежающихъ грѣшникъ понудити имать на согласие благыхъ грозою закона и правды»,

— «...показахъ токмо, коль потребна суть во всякомъ гражаньствѣ правда и законы ко исправлению неустроинныхъ»²⁷.

Частое использование союза «и», который ставится между «правдой» и «законом», показывает, что для Карпова «правда» и «закон» — это не синонимы, как не синонимы «закон» и «истина» в том же тексте: «И не я только, но и все правоверные, праведные сердцем, полюбят и восхвалят тебя, почтят и прославят тебя вместе со мной, те, которые любят тебя, поставленного владыкой и наученного в святоотеческом законе и истине...»²⁸

Закон здесь — нормы, отражающие божественную истину, что подтверждается периодизацией «закона»: «естественного» на начальной стадии развития общества, затем «закона Моисея» и наконец «закона Христова». Понятие же «справедливость» в послании использовано дважды: один раз в сочетании «справедливые законы», второй — применительно к царям, которые свои народы «справедливо пасут». Непосредственно с «правдой» в этом послании «справедливость» не сочетается.

Нам представляется, что в послании Карпова Даниилу соотношение «правды» и «закона» имеет не синонимичную природу. Это соотношение более сложное и построено *иерархично*, как и соотношение «закона» и «истины». Если закон — земное выражение истины (способное принимать разные формы, в разные периоды жизни человечества), то «правда» — это способ реализации закона.

В свое время А.И. Клибанов убедительно показал, что в своем «Послании» Ф. Карпов следовал логике и отчасти терминологии «Этики» Аристотеля. В этой книге Аристотель соотносит две общественные категории: «правду» и «справедливость». Карпов же соотносит «правду» и (справедливый) «закон»²⁹.

Отметим здесь, что «правда» у Карпова используется там, где речь идет именно о государстве («правда необходима во всяком

²⁷ Карпов Ф. Указ. соч.

²⁸ Там же.

²⁹ Клибанов А.И. Указ. соч. С. 212.

государственном деле и царстве к укреплению царства»). В его «Послании» отсутствие государственного начала в обществе означает и отсутствие «правды»: «Дѣло народное въ градѣхъ и царствѣхъ погибнетъ длѣгодушествомъ трѣпѣнна, долготрѣпѣние в людехъ безъ правды и закона общества добро разрушаетъ и дѣло народное ни во что низводитъ, злыя нравы въ царствѣхъ вводитъ и творить людей государемъ непослушныхъ за нищету»³⁰.

Можно предположить, что понятие «правда» означает у Карпова *исключительное право государства на применение силы для поддержания в обществе действия законов*. Монополия государства на применение силы необходима для того, чтобы а) «блудящихъ и врежающихъ грѣшникъ понудити имать на согласие», б) «добрыхъ подвластныхъ беречи своимъ жалованиемъ и уроженною милостью и раздражати къ добродѣтелямъ и добрымъ дѣломъ мздами». Термин «легитимность» во времена Карпова еще не был изобретен, но то, что автор Послания именует «правдой» — это и есть легитимность государственной власти, отрицающей право на «частное» насилие и потому являющейся «грозой». «Правда» у Карпова — это сила государства, реализующая закон. А тому, как это нужно делать, посвящен тот фрагмент Послания, в котором понятие «правда» используется в последний раз, но зато с самой большой частотой: пять раз (из двенадцати случаев употребления) на пять предложений. Разъясняя свой главный тезис: «правда и закон» нужны «для исправления бесчинныхъ», Карпов пишет:

«И сиа вся бывають правдою, и милостью, и истинною. Ради милости бо предстатель и князь от подвластныхъ велми любитя, а истинны ради боится. Милость бо безъ справды малодушество есть, а правда безъ милости мучительство есть, и сиа два разрушають царство и всяко градосожителство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью украшаема сохраняють царя царство въ многоденствѣ»³¹.

Соотнесение «правды» с «истиной» и «милостью» раскрывает содержание «правды» как государственной силы. Если законы — отражение истины, то их «автоматическое» применение, без разбора обстоятельств дела — это и есть «мучительство», та «истина», из-за которой люди боятся власти. «Милость» же — это вдумчивое применение «закона», смягчение его силы («правды») в тех случаях, когда это необходимо.

³⁰ Карпов Ф. Указ. соч.

³¹ Там же.

Анализ короткого текста «Послания» Федора Карпова к митрополиту Даниилу позволяет сделать вывод о том, что в первой половине XVI в. появляется теоретическая возможность смены модели управления или, по крайней мере, качественного «сдвига» в понимании ее основных параметров.

Параметр первый — принципы управления. Карпов смещает акцент с традиции на закон, как отражение божественной истины. Более того, указание на три периода действия закона (а значит, на три разные традиции его исполнения) позволяет говорить о том, что традиция управления менее важна, чем следование закону, выражающему «дело народное» — в той трактовке этого термина, которое берет начало в трудах Аристотеля и развивается в западноевропейской управленческой мысли.

Параметр второй — целеполагание. Понятие «воздаяние», применительно к государственному управлению у Карпова отсутствует (оно используется в восхвалениях самого Даниила в первой части послания). Понятие «милость» из цели управления преобразуется в его инструмент. Новое же целеполагание связано с понятиями «общество человеческое», «общество достойное», «общество хорошее», «общезитие», «общее человеческое дело» и «дело народное». Все эти понятия тесно связаны с представлением о необходимости сохранения порядка и стабильности, что собственно и является в этом своеобразном наброске управленческой концепции Карпова целью государственного управления. *Поворот в целеполагании управления*, зафиксированный в этом послании аналогичен тому, который произошел в ренессансной мысли Италии столетием раньше. Сравним (табл. 1).

Мы видим, что и в том и в другом тексте в качестве цели принимается достижение общественного согласия (или «гармония»), центром которого выступает власть в форме монархии (Карпов) или республики (Бруни).

Параметр третий — инструментарий управления. В Послании Карпова ничего не говорится о личных качествах государя. Вместо этого выбирается другой инструмент — «правда», т.е. сила государства, направленная на реализацию закона и утверждение гармонии («согласия») в обществе, что, в свою очередь, делает само государство еще более сильным и устойчивым. И это еще один показатель того, как проходило переосмысление управленческих традиций. Второй инструмент, не менее важный, — «милость» — тоже обезличен. Это — не качество личности государя, а необходимый элемент управления, без которого не будет доверия («любви») населения к власти, т.е. она перестанет быть легитимной.

<p style="text-align: center;">Ф. Карпов Послание митрополиту Даниилу</p>	<p style="text-align: center;">Л. Бруни Восхваление города Флоренции</p>
<p>«Тѣм же въ всякомъ языкѣ и людехъ треба есть быти царем и началникомъ, иже подобаютъ имѣти подобие гуслей игреца Давида в себѣ. Якоже бо гуслиникъ струны блядущие соединяетъ къ согласию и къ соединению сладкости бряцания, касая, приводитъ, тако начальникъ всякаго самодрѣжства блудящихъ и врежающихъ грѣшникъ понудити имать на согласие благыхъ грозою закона и правды, а добрыхъ подвластныхъ беречи своимъ жалованием и уроженною милостью и раздражати къ добродѣтелямъ и добрымъ дѣломъ мздами, и сладкими и благими словами, умягченными вѣщаниями, злыхъ же казнными полутшати, и прещению обличити, и от лихости на добро царскими воспоминании приводити, ненасыщаемыхъ же и злых, иже лечьбы полутшениа приняти не хотять ниже Бога любяти, отнюдь истребити»³²</p>	<p>«Ведь когда в струнах существует согласие, то в результате, когда они натянуты, из различных тонов возникает единая гармония, и для слуха ничего нет приятней и радостнее ее; подобным же образом и этот достойнейший город так управляет всеми своими частями, что из этого проистекает высшее согласие в республике, которое улаживает глаза и уши людей. Ничего нет во Флоренции несправедливого, ничего противоречивого, ничего глупого, ничего изменчивого; и содержится все это не только упорядоченно, но и в согласии благодаря следующему: существуют определенные учредления, должности, правосудие, порядки. Все они между собой разделены так, что соотносятся с высшим органом власти, как трибуны с императором»³³</p>

³² Там же.

³³ Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 282.

Наряду с понятием «милость» меняет свое содержание и понятие «воздаяние». А.И. Клибанов уже обратил внимание, что «воздаяние» у Карпова носит не личный, а социальный характер, оно означает не реакцию на индивидуальный поступок, а вписано в круг «общей пользы»³⁴.

Наконец, четвертый параметр — образ управления. Карпов не отказывается от образов пастыря и кормчего, тем более что эта образная система вполне может отражать новые цели управления. Но все же ему необходим новый образ — и это образ «гусельника» — царя Давида, приводящего струны к согласию, т.е. к общественной гармонии.

Послание Ф. Карпова — итог очень значительной внутренней работы, не только и не столько по «усвоению... основных понятий византийской книжности, распространенных и в традиционной русской христианской культуре», как об этом пишут И.Б. Михайлова и В.Э. Витлин³⁵. Это, в очень значительной мере, пересмотр старой средневековой управленческой традиции, и через прямое обращение к античным авторам, как это делали мыслители итальянского Просвещения, поиск управленческих идей, соответствующих новым историческим реалиям.

Список литературы

Архимандрит Платон (Игуменов) Концепция справедливости в античном и европейском сознании // Вест. славянских культур. 2010. Т. 2. № 16. С. 7–18.

Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Ф.И. Карпова // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. И.П. Еремин. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 161–173.

Зимин А.А. Федор Карпов, русский гуманист XVI века // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1968. Т. 5. С. 364–370.

Корзинкин А.П. Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533–1538) // Вест. СПб. ун-та. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 19–29.

Карпов Ф. Послание к митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 2000. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5110>

³⁴ *Клибанов А.И.* Указ. соч. С. 215.

³⁵ *Михайлова И.Б., Витлин В.Э.* Указ. соч. С. 12.

Кимеева Е.Н. Послание митрополиту Даниилу Федора Карпова // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 220–234.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.

Лаптева Л.Е., Графский В.Г., Медведев В.В., Пахалов М.Ю. Концепции справедливости в историко-правовой мысли». М., 2014.

Лаушкин А.В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 211–224.

Марей Е.С. Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 365–377.

Михайлова И.Б., Витлин В.Э. Идеальный государь в представлении Ф.И. Карпова // Вест. СПб. Ун-та. Сер. 2. История. 2012. Вып. 2. С. 3–13.

Морозова Л.Е. Иван Грозный и публицисты XVI века о пределах и характере царской власти // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 236–251.

Ненашев Ю.Н. Форма государственного устройства в правовом учении Ф.И. Карпова о государстве // Известия Российского гос. педагогического ун-та имени А.И. Герцена. 2007. Т. 14. № 37. С. 143–147.

Ненашев Ю.Н. Форма правления в правовом учении Ф.И. Карпова о государстве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 176–180.

Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070>

Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid=4871>

Слово о законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid=4868>

Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

Черных С.Н. Понятие «справедливость» в средневековой философии // Вест. Воронежского гос. технического ун-та. 2011. Т. 7. № 4. С. 130–133.

Щапов Я.Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 28: Исследования по истории русской литературе XI–XVII вв. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9817>